

Митрополит Иларион: Межрелигиозная напряженность развивается, прежде всего, на почве невежества

Начиная с сентября нынешнего года, передача «Церковь и мир» на телеканале «Россия 24» выходит в новом формате. Теперь часть программы занимает беседа председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Волоколамского Илариона с гостями.

15 сентября 2012 года в программе «Церковь и мир» принял участие член Общественной палаты Российской Федерации, тележурналист и историк, руководитель Института Массмедиа РГГУ Н.К. Сванидзе.

Н.К. Сванидзе: Я благодарен за возможность задать Вам те вопросы, которые сейчас интересуют все наше общество, и услышать Ваше мнение об этом. И я думаю, что нас с Вами просто не поймут наши зрители, если мы не начнем разговор с того, что сейчас происходит в российских школах. В средних учебных заведениях, как известно, начинается изучение «Основ религиозных культур и светской этики». Вокруг этого ломалось много копий, и я думаю, еще будет продолжать ломаться. Это интересуют и детей, и особенно взрослых... Первый вопрос, который возникает при рассмотрении данной темы, - качество преподавания.

Митрополит Иларион: Качество преподавания во многом будет зависеть от самих преподавателей. Конечно, существует большой риск, что преподавать основы той или иной религиозной этики будут специалисты не в этой сфере, а в каких-то совсем других областях. Думаю, что оценить этот риск можно будет только тогда, когда пройдет какое-то время и мы все, в

том числе и родители, и ученики, пойдем, насколько высок уровень, на котором ведется преподавание этого предмета. При этом очень важно, чтобы учебные пособия были качественными.

Н.К. Сванидзе: Да, Владыка, но вот ведь в чем дело... Я сам преподаватель, хотя и не школьный, а вузовский, и, думаю, Вы со мной согласитесь: учебники, пособия – да, но дети - студенты тоже, но в особенности маленькие дети - смотрят в глаза своему преподавателю, слушают его голос, ориентируются на него. Учебники могут быть разные, но если по ним учит слабый преподаватель, это перечеркнет любой качественный учебник. Если же преподаватель сильный, это будет важнее, чем плохой учебник. Такой преподаватель сможет рассказать все, что он знает, сможет маленьких людей научить своим представлениям о добре и зле, а это важно. А если не сможет, если он слаб?

Митрополит Иларион: Так ведь это справедливо по отношению к любой учебной дисциплине. Мы помним по нашим школьным годам, что теми предметами, которые нам преподавались интересно и увлекательно, мы увлекались, делали в них успехи. А если предметы преподавались неинтересно или если мы не любили учителя (учительницу), то и успехов не было. Этот процесс неизбежен.

Конечно, в идеале преподавать основы той или иной религии должны ее представители. То есть, если, например, это основы Православия, то в класс должен приходиться священник. Если же не священник, то это должен быть мирянин, ведущий активную церковную жизнь, который может поделиться не только тем, что он прочтет в учебнике, но и своим собственным опытом, потому что религию невозможно преподавать абстрактно.

Во многих странах существует такая практика. Например, я шесть лет служил в Австрии. Там, если в школе есть хотя бы два православных ученика, то за государственный счет приглашается преподаватель – православный священнослужитель, который в течение всего курса школьного обучения (то есть одиннадцать лет) преподает основы Православия этим детям. Почему в секулярной Австрии возможно, чтобы православный священник приходил в светскую школу и преподавал Православие, а в нашей стране с преобладающим православным населением это невозможно?

Н.К. Сванидзе: Владыка, я боюсь того, что слабый преподавательский уровень отразится на отношении учеников к предмету: они будут воспринимать его как проявление официоза – чего-то, что им сверху навязывается, за что нужна, как и по всем другим предметам, хорошая оценка, а им не интересно, не хочется... И поскольку это очень этически важный, жизненно важный предмет, такое отношение к нему отразится на отношении учеников и к жизни в целом.

Митрополит Иларион: Такое может случиться, но, опять же, это во многом будет на совести самих преподавателей. Важно, насколько ответственно они будут подходить к преподаванию этого предмета. Тем более, если большинство из них будут специалистами не в предмете «Основы религиозных культур и светской этики», а в других областях. Но я думаю, что в любом случае нужно положительно оценить эту инициативу, потому что наши дети впервые смогут в рамках школьного курса получить сведения о религии, которые, возможно, им больше неоткуда будет получить.

Я хорошо помню, каким было преподавание в советское время, когда сведения о религии искусственно замалчивались и детям, юношам и девушкам приходилось откуда-то «выкрадывать» эти сведения: из словаря атеизма, из каких-то научных статей, чтобы хоть что-то, хоть по крупицам узнать о религии.

Сейчас у наших детей появляется возможность узнавать о своей религии, о вере других людей, своих одноклассников. Ну, а у тех, кто не хочет изучать религию, есть возможность изучать основы светской этики, что тоже само по себе неплохо и полезно.

Н.К. Сванидзе: Конечно. Не боитесь, ли Вы, Владыка, того, что те же учителя, условно говоря, истории (ведь это в основном будут преподаватели гуманитарных предметов – не математики, не биологи), которые в свое время преподавали историю с позиций марксизма-ленинизма, а потом вообще с неизвестных позиций, потому что у них многое смешалось в голове, и которые говорили, что Бога нет, теперь на уроках будут истово утверждать, что Бог есть? Все то, что они будут преподавать детям, будет мало сочетаться с тем, что они сами думают и чувствуют, а дети это прекрасно понимают.

Митрополит Иларион: Есть такой риск, Николай Карлович, но мы не должны забывать, что этот предмет не призван доказывать детям, что Бог есть. Этот предмет должен показать, как та или иная религия учит о Боге, каковы ее основные нравственные постулаты. Ведь, по сути дела, это все-таки культурологический предмет, а не преподавание Закона Божия.

Опасность в другом: если человек когда-то преподавал научный атеизм, а сейчас возьмется преподавать богословие, то даже если он изменил или пытается изменить свое мировоззрение, сами методы, которые им использовались, сам подход к материалу все равно будут мешать такому человеку. Поэтому, в принципе, те люди, которые подвизались на ниве научного атеизма, не должны избирать для себя такую стезю, потому что она будет для них скользкой. Они, прежде всего, сами будут все время на ней поскользываться.

Н.К. Сванидзе: Будет внутреннее раздвоение, похожее на шизофрению.

Митрополит Иларион: Будет внутреннее раздвоение, да. Но «Основы религиозных культур и светской этики» - предмет культурологический, то есть он включает в себя рассказ о каких-то более или менее объективных вещах: об истории той или иной религии, о нравственной составляющей. И здесь совершенно необязательно, чтобы возникал какой-то конфликт, чтобы детям говорили, есть Бог или нет, - дети сами должны к этому прийти. Но у них появляется возможность получить некоторые сведения о религиозных конфессиях, что само по себе очень хорошо.

Н.К. Сванидзе: Мне абсолютно симпатичен тот посыл, который я слышу от Вас, я считаю его совершенно правильным. Есть и другой вопрос, он был намечен в показанном сейчас видеосюжете. Мать ученика в ролике говорит: «Я думала, это будет предмет, связанный с толерантностью». Иначе говоря, важно, чтобы православные дети из православных семей изучали то, что связано с исламом или иудаизмом - и наоборот, дабы они не ощущали отторжения друг от друга, чтобы они знакомились с культурой других народов. Тогда это будет борьба с ксенофобией, за объединение общества. В противном случае есть угроза, что дети уже в раннем возрасте будут расходиться по разным мировоззренческим «квартирам», по разным углам, и это будет, наоборот, обострять взаимоотношения между людьми, не похожими друг на друга и внешне, и по языку, и по вере...

Митрополит Иларион: Думаю, что мы когда-нибудь к этому придем. Я надеюсь, что этот предмет будет преподаваться не один год, что постепенно будут расширяться как время, которое уделяется этому предмету, так и тематика, которая рассматривается в его рамках. Надеюсь, что рано или поздно этот предмет будет включать, например, для православного ребенка, изучающего основы православной культуры, также элементы знакомства с другими религиозными культурами. Но в рамках одного года с преподаванием один час в неделю это вряд ли возможно.

Зачастую корни религиозной вражды – в невежестве, когда люди воспринимают носителей других религиозных идей, исходя из искаженных представлений о чужой или своей религии. Ни для кого сейчас не секрет, что на почве радикального ислама развивается терроризм. И лидеры традиционного ислама всегда подчеркивают, что террористы и радикалы не имеют ничего общего с верой, что ислам – это миролюбивая религия. Важно преодолеть это раздвоение, эту шизофрению, когда сами представители той или иной религии или люди, считающие себя ее представителями, искажают религию, подменяют одно другим и потому вместо того, чтобы приносить людям добро, приносят зло и смерть. В нашем обществе нужно добиваться, чтобы мы все хорошо знали собственную традицию и с уважением относились к традициям других.

Н.К. Сванидзе: Я абсолютно согласен с Вами, Владыка. Хотел бы продолжить тему: сейчас очень высок уровень агрессии в нашем обществе, в том числе связанной с религиями, - идет агрессия, направленная против носителей тех или иных верований, идет противостояние между людьми, по-разному верующими. В связи с этим есть ли у Вас опасения, Владыка, что не определенное до сих пор состояние отношений, не определенная до настоящего времени степень близости между Русской Православной Церковью и государством могут привести к последствиям негативным и многие люди воспримут Православие как нечто насаждаемое сверху, навязываемое, как картофель в свое время? А все, что насаждается таким образом, вызывает неприятие.

Митрополит Иларион: Любое искусственное насаждение той или иной религии было бы опасным, потому что тогда религия превращалась бы в идеологию. Поэтому никто никогда не должен навязывать религиозные воззрения, и тем более этого не должно делать государство. Но я думаю, что у нас есть все основания сказать, что государство этого и не делает. Уровень взаимоотношений между Церковью и государством, который достигнут в России, а также и в некоторых других странах постсоветского пространства, является на сегодня оптимальным, отвечает чаяниям людей и велению времени.

У нас, с одной стороны, существует отделение Церкви от государства. Этот принцип существовал не всегда и не везде, но поскольку у нас он действует, мы исходим из этого как из некой данности. Церковь не вмешивается в государственные дела, например, священники не вступают в политические партии, не участвуют в политической борьбе, не заседают в палате депутатов, они не имеют права с амвона храма агитировать в пользу того или иного кандидата и так далее. И государство, в свою очередь, не вмешивается во внутренние дела Церкви, то есть не диктует, кого избрать Патриархом, кого продвигать в епископы, как устраивать приходскую жизнь. Существует принцип взаимного невмешательства.

Но есть и другой принцип – это принцип соработничества Церкви и государства во всех областях, в которых такое соработничество возможно и необходимо. И здесь я говорю, по сути, обо всех традиционных религиях.

Ведь когда мы пытаемся дать ответ на какой-то общественно значимый вопрос, мы это делаем не только от имени Русской Православной Церкви. Собирается Межрелигиозный совет России, на котором обсуждается этот вопрос, по нему формулируется общая позиция, и уже эта позиция представляется государству. Таким образом, существует партнерство и между традиционными религиями, и между ними и государством. Такое партнерство необходимо и в сфере образования, и в сфере демографической политики, и в сфере социальной политики, и в сфере нравственности. Есть множество задач, которые мы не сможем решить, если не будем пытаться сделать это всем миром, в том числе при участии государства, Церкви, средств массовой

информации и здоровых сил общества.

Н.К. Сванидзе: Я поясню, Владыка, что меня заставляет высказывать опасения по данному вопросу. Чисто исторические параллели Вам прекрасно известны. В свое время в России Церковь Православная была государственной религией. Страна была православной: в паспорте не было отметки "национальность", а была отметка "вероисповедание". И когда произошла Октябрьская революция, к власти пришли большевики, они сломали хребет Православной Церкви. Они сделали с Церковью то, что не делалось даже во время монгольского нашествия: уничтожали церкви, массово убивали священников. И то, что Церковь была государственной, не спасло ее и не способствовало тому, что люди - рядовые граждане - защищали Церковь.

Митрополит Иларион: Церковь не должна быть государственной; она и не является и не будет таковой. При этом повторю: отделение Церкви от государства не означает того, что она отделена от общества и должна восприниматься как сугубо частное дело отдельных индивидуумов. У Церкви может и должна быть своя общественная позиция, у нее есть своя роль в обществе, и у нее есть возможности для сотрудничества с государством – не для превращения в государственную религию, а ради сотрудничества на основе двух названных принципов: взаимного невмешательства и сотрудничества в тех областях, где это возможно.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/53724/>